

Факторы конвергенции и дивергенции в мировой экономике: краткий обзор

Казакова М. В.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

²Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Институт Гайдара), Москва, Российская Федерация
kazakova@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Великая дивергенция, а именно расхождение в подушевом ВВП между странами первого и третьего мира, началось около 1820 г. и продолжалось ускоренными темпами в течение следующей половины XIX в. и более медленными темпами — в XX в. Дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения. Однако в конце 1980-х гг. на смену Великой дивергенции пришла Великая конвергенция, другими словами, существенное опережение темпов экономического роста развитых стран Запада развивающимися странами третьего мира, объясняемое, в том числе, улучшением уровня образования и здоровья населения, другими словами, повышением качества человеческого капитала. Имеется целый пласт литературы, посвященной факторам, обуславливающим конвергенцию или дивергенцию различных стран. Изучение указанных факторов с помощью обзора и систематизации релевантной литературы и представляет цель настоящей статьи. В работе кратко проанализированы теоретические и эмпирические исследования, описывающие тенденции конвергенции и дивергенции в глобальной экономике, в качестве иллюстрации выводов приведены статистические данные по регионам мира за период с 1960 г. по настоящее время. По результатам исследования в статье делается вывод о существовании довольно большого числа работ, посвященных анализу факторов, объясняющих дивергенцию или конвергенцию стран мира. По мнению авторов, проведенный обзор представляет ценность с точки зрения понимания текущих тенденций, имеющих место в мировой экономике, и факторов, их обуславливающих, а также построения прогнозов ее развития в будущем.

Ключевые слова: экономический рост, мировая экономика, конвергенция, дивергенция, неравенство доходов

Factors of Convergence and Divergence in the Global Economy: A Brief Review

Kazakova M. V.^{a, b}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^bGaidar Institute for Economic Policy (Gaidar Institute), Moscow, Russian Federation
kazakova@ranepa.ru

ABSTRACT

The Great Divergence, namely the divergence in per capita GDP between the first and the third worlds, started around 1820 and continued at an accelerated pace during the next half of the 19th century and at a slower pace in the 20th century. Divergence of the West was primarily associated with a technological breakthrough and economic development that led to higher labor productivity and GDP per capita. However, in the late 1980s the Great Convergence, which implied substantial advance of economic growth rates of developed West by developing countries of the third world, replaced the Great Divergence. Great Divergence was due to the improving of education and public health systems, in other words, to human capital development. There is a bulk of literature focusing on convergence or divergence of various countries. The purpose of this article is to study these factors by the means of review and systematization of relevant literature. Authors briefly

analyze theoretical and empirical studies describing drivers of convergence and divergence in the global economy. They also consider statistical data on world regions for the period since 1960 until present days to justify conclusions. The article concludes that there are quite a large number of works devoted to the analysis of factors explaining the divergence or convergence trends in the world. This review is useful in terms of understanding current trends in the world economy, as well as developing scenarios of its development in the future.

Keywords: economic growth, world economy, convergence, divergence, income inequality

Введение

В большой литературе обсуждаются факторы, приводящие к конвергенции или дивергенции в мировой экономике. Так, авторы работы [4] стремятся доказать ненадежность таких традиционных объяснений экономических успехов или неудач государств, как географические и этнические факторы, а именно: климата, природных ресурсов, культуры и религии. Авторы утверждают, что процветание или упадок стран обусловлены прежде всего характером их экономических и политических институтов. Они подтверждают этот тезис посредством анализа экономического развития в привязке к развитию политических институтов в большом числе стран в разные периоды времени. Авторы различают «экстрактивные» и «инклюзивные» институты. При экстрактивных экономических институтах элиты управляют экономикой ради собственной выгоды, не позволяя другим группам граждан извлекать выгоду из участия в экономических отношениях; при этом собственность сосредоточена в руках узких групп людей (примеры таких институтов: неограниченные монархии и различные типы диктаторских и тоталитарных режимов). Напротив, инклюзивные экономические институты позволяют большому числу граждан участвовать и извлекать выгоду из экономических отношений при гарантированной защите прав собственности; эти институты поддерживаются инклюзивными политическими институтами, которые мешают узким группам граждан управлять экономикой в свою пользу (например, либеральные демократии).

В [4] делается вывод о том, что экономический рост и процветание государств возможны в рамках обоих типов институтов, а не только инклюзивных институтов, хотя экстрактивные институты не приводят к устойчивому, долгосрочному росту и благосостоянию большинства населения. Авторы указывают на то, что появление инклюзивных институтов в Западной Европе и сохранение экстрактивных институтов в других частях мира приводят к проблеме мирового неравенства. Как отмечалось выше, некоторые страны терпят неудачу из-за низкого качества своих экономических и политических институтов. Тем не менее трагедия глобальной бедности, по мнению [21], никогда не будет решена до тех пор, пока не придет понимание неэффективности постоянных усилий западных организаций, направленных на смягчение проблемы бедности, которые тратят триллионы долларов на улучшение состояния дел в Африке и других регионах с аналогичным уровнем развития, не имеющих человеческого капитала, инфраструктуры и технологий, позволяющих эффективно осваивать масштабные финансовые вливания. Вместо этого Запад, как полагает автор, должен разработать более прагматичный и конструктивный подход и искать способы улучшения благосостояния бедных стран, базируясь на системе, которая подразумевает получение дополнительных ресурсов теми, кто может найти правильные и эффективные способы инвестирования этих денег.

В свою очередь, как отмечает [50], растущее неравенство в доходах и социальная изоляция, устойчивый быстрый рост населения в Африке и Южной Азии наряду со старением населения в развитых странах, а также глобальные системы производства, быстрые технологические изменения, глобальное сокращение чис-

ла профессий среднего уровня квалификации, а также экономическая и геополитическая многополярность и растущие экологические проблемы рассматриваются в качестве основных препятствий для экономического процветания мира. Автор предполагает, что описанные выше проблемы, с которыми сталкивается мировая экономика, можно понять и решить в рамках подхода устойчивого развития. Устойчивое развитие создает целостную структуру, объединяющую три сложные системы: мировую экономику, глобальное общество и физическую среду Земли. Цели этой системы включают в себя прекращение нищеты и голода, здоровье и образование для всех, сокращение экономического неравенства, устойчивый рост, эффективное управление и т. д. Как утверждает [50], эта стратегия является способом достижения экономического процветания, социальной интеграции и экологической устойчивости в мире.

Работа [38] анализирует процесс роста Европы в начале XVI века. Как он отмечает, основным источником экономического успеха в Европе в средние века была международная торговля с Венецией, играющая важную роль в открытии торгового взаимодействия между Европой и Средиземноморьем в 1000–1500 гг. В свою очередь, Португалия была пионером торговли между Европой и Атлантическими островами, Африкой, Китаем и Японией. В то же время Нидерланды усиливали свою морскую деятельность, которая вместе с развитием голландской экономики и ее международной специализацией сделала Нидерланды самой динамичной европейской страной с 1400 г. до середины XVII в. Британия развивалась быстрее, чем другие европейские страны, с точки зрения доходов на душу населения в период с 1680 по 1820 г. путем улучшения банковских, финансовых и налоговых институтов и сельского хозяйства, а также прорыва в промышленной политике к концу этого периода.

Несмотря на эти очевидные и несомненные экономические достижения, «Великая дивергенция» в валовом внутреннем продукте (ВВП) на душу населения между регионами «первого мира» и «третьего мира» началась примерно в 1820 г. и продолжалась быстрыми темпами в течение следующей половины столетия и более медленными темпами для следующего века. Изучению данного феномена, обусловленного появлением капиталоемких и ископаемых видов топлива¹, посвящены такие исследования, как, например, [4; 14; 24; 25; 41] и др. Однако впоследствии с конца 1980-х годов имело место другое явление, известное как «Великая конвергенция» и связанное с существенным опережением темпов экономического роста стран Запада развивающимися странами третьего мира (см. [51; 16; 34; 31; 33] и др.). Оба указанных феномена будут подробнее рассмотрены далее в работе.

Материалы и методы

Мировое экономическое развитие: конвергенция или дивергенция?

Как отмечает А. В. Коротаев², теория конвергенции берет начало в работах [21; 22; 53]. Согласно [21; 22], диффузия технологий была основным фактором, способствующим процессу конвергенции. Но процесс накопления капитала, предсказанный как моделями с закрытой, так и моделями с открытой экономикой [17; 45; 53], также может объяснить глобальную конвергенцию. Другими словами, в странах

¹ Коротаев А. В. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции — конвергенции центра и периферии мир-системы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 149–162. См. также [27].

² Коротаев А. В. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции — конвергенции центра и периферии мир-системы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 149–162.

с более низким уровнем капитала на одного работника, ключевой характеристикой стран с развивающейся экономикой, будет иметь место догоняющий рост.

Тем не менее [47] утверждает, что, обратно гипотезе об уменьшающейся отдаче, «темпы роста могут со временем увеличиваться, последствия небольших нарушений могут усиливаться действиями частных агентов». Другими словами, крупные экономики могут постоянно расти быстрее, чем малые экономики, что отвергает идею Солоу об абсолютной конвергенции и дает начало большому количеству исследований, которые выдвигают идею условной конвергенции вместо абсолютной конвергенции. Например, [7] предполагает, что конвергенция может быть свойственна отдельным группам стран. Точнее, как показано в этой статье, данные Мэддисона за период 1870–1979 гг. [37] подтверждают идею конвергенции в рамках группы промышленно развитых стран, а не в менее развитых странах.

В свою очередь [6] опровергает абсолютную конвергенцию после изучения эмпирических данных 98 стран за период 1960–1985 гг. Автор показывает, что существует положительная связь между ростом ВВП на душу населения в реальном выражении и первоначальным человеческим капиталом и отрицательная — между ростом ВВП на душу населения в реальном выражении и начальным (1960 г.) уровнем подушевого ВВП в реальном выражении. Таким образом, бедные страны склонны догонять богатые страны при условии наличия высокого уровня человеческого капитала на душу населения (относительно уровня их подушевого ВВП в реальном выражении), но не наоборот.

Авторы работы [39] тестируют гипотезу модели Солоу, состоящую в том, что бедные страны растут быстрее, чем богатые страны. После изучения данных почти во всех странах мира, за исключением плановых экономик, за период 1960–1985 гг. они пришли к выводу, что страны конвергируют только при контроле параметров устойчивого состояния. Другими словами, конвергенция в модели Солоу происходит для стран со схожими технологиями и темпами накопления и роста населения. Авторы утверждают, что модель Солоу согласуется с эмпирическими данными только в ее расширенной версии, учитывающей человеческий капитал. Таким образом, авторы вводят понятие «условной конвергенции», которое широко изучается в большой литературе второй половины XX в. ([6; 12; 15; 29; 30; 36; 50] и др.). Большинство из этих работ единодушно согласны с опровержением абсолютной конвергенции и тенденцией более бедных стран догонять в 1970–1995 гг. (см. [18; 48] и т. д.).

Автор работ [42–44] применяет модель с ростом и несовершенной мобильностью капитала к ряду стран для проверки гипотезы о конвергенции и выясняет, что существует очень мало доказательств безусловной конвергенции между странами. В то же время [35] рассматривают группу из 102 стран на период между 1960 и 1989 гг. и показывают, что между странами наблюдается дивергенция, а не конвергенция. Этот тезис разделяет [2], проанализировавший данные по странам за 1960–2000 гг. и указавший на существенное увеличение неравенства между странами, а также многие другие исследования (см. [18] или, например, [28], которые утверждают, что начиная с середины XIX в. можно наблюдать дивергенцию между странами мира, а не конвергенцию).

Однако можно было бы сделать одно исключение, а именно очевидную конвергенцию в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доказанную в работе А. В. Коротяева¹, в которой изучался опыт группы из 16 промышленно развитых стран в период с 1870 по 1979 гг. Тем не менее автор указывает на заметную вариацию скорости конвергенции в разные периоды времени, которая продемонстрировала «заметную силу только в первой четверти века после

¹ Коротяев А. В. Указ. соч.

Второй мировой войны», а также на резкие сдвиги в рейтингах производительности стран. Интересен тот факт, что автор утверждает, что сближение не следует рассматривать как всемирное явление, отмечая, что «долгосрочная конвергенция... является лишь тенденцией, которая возникает на усредненном уровне группы стран».

Если обратиться к современным эмпирическим работам, изучающим явления дивергенции и конвергенции, стоит отметить, что, например, [34] предоставляют достаточно убедительные доказательства существования безусловной конвергенции среди всех крупнейших стран, которые составляют подавляющее большинство населения мира и производят подавляющее большинство мирового ВВП после 1998 г. Эти данные не противоречат результатам предыдущих работ, связанных с изучением конвергенции. Фактически эти работы не отрицали феномен конвергенции как таковой, а скорее настаивали на ее обусловленности, в то время как [34] показывают, что наблюдаемый в последнее время глобальный переход от условной к безусловной конвергенции объясняется тем, что к концу 1990-х годов все основные развивающиеся страны и экономики мира стали соответствовать основным условиям существования условной конвергенции.

В работе [33] подчеркивается, что значительная часть исследований посвящена глобальной экономической динамике того времени в целях опровержения безусловной конвергенции, в том числе, самой идеи о ней, описав вместо этого феномен условной конвергенции. Тем не менее большинство таких работ ограничивается периодом начала-середины 2000-х годов. По мнению авторов, некоторые из глобальных тенденций, которые особенно ярко проявились во второй половине 2000-х годов, требуют пересмотра проблемы конвергенции. Работа [33] изучает эти вопросы для внесения вклада в существующую литературу о безусловной b-конвергенции доходов на душу населения на глобальном уровне.

Авторы заключают, что в последние годы разрыв между странами с высокими доходами и странами со средним уровнем доходов особенно быстро снижается. Между тем разрыв между странами с высоким уровнем доходов и низким уровнем доходов сокращается гораздо медленнее. В то же время, как показывают авторы, наблюдается увеличение разрыва между странами со средним и низким доходом. Действительно, в начале 1980-х годов ВВП на душу населения в странах с низкими доходами был в среднем в три раза ниже, чем в странах со средним уровнем дохода, и этот разрыв был полностью перекрыт более чем десятикратной пропастью между странами со средними доходами и странами с высокими доходами. Однако сейчас ВВП на душу населения в странах с низким доходом отстает от стран со средним уровнем доходов более чем в пять раз, что, как показано в работе [33], во многом близко к разрыву (быстро сокращающемуся в последние годы) между высокодоходными странами и странами со средними доходами.

Как отмечают авторы в работе [31], в последние десятилетия страны пережили беспрецедентный рост человеческого развития. В 1980 г. существовали две страны с индексом развития человеческого потенциала, близким к 0,90 или выше, сейчас их 22. Хорошо известно, что рост человеческого развития положительно связан с экономическим ростом. Авторы применяют лонгитюдный статистический анализ для доказательства существования «старой модели» взаимосвязи между развитием человека и экономическим ростом, которая поддерживает существование этих циклов, и «новой модели», которая их опровергает. Авторы показывают, что условное и возможное абсолютное сближение между богатыми и бедными странами с точки зрения человеческого развития, демонстрируемое «новой моделью», обусловлено двумя факторами: ростом средне- и высоко развитых стран и высокими темпами экономического роста и развития человеческого потенциала среди стран с низким и средним уровнем доходов. Полученные в работе резуль-

таты соответствуют уже опубликованным ранее исследованиям и свидетельствуют о том, что для стран с высоким индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) между 0,85 и 0,95, происходит разворот ранее сложившегося отрицательного соотношения между развитием и рождаемостью. Таким образом, авторы демонстрируют более сложную взаимосвязь между ИРЧП и темпами экономического роста, чем считалось ранее, а также настаивают на необходимости учета социокультурных факторов, не зависящих от экономического или человеческого развития, при построении более полной модели зависимости между изменениями в экономическом и человеческом развитии.

На наш взгляд, исследование причин феноменов дивергенции и конвергенции в мировой экономике представляет большой интерес как с точки зрения анализа ретроспективы, так и с позиции прогнозов развития стран в будущем. Так, А. В. Коротаев¹ указывает на существенное соотношение разрыва между странами первого и третьего мира и изменения темпов роста населения в этих странах. Однако это не означает, что динамика мирового населения была основным фактором перехода от Великой дивергенции к Великой конвергенции. Как отмечалось выше, дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения. Это существенное увеличение уровня доходов воплотилось в повышении уровня жизни и привело к снижению смертности населения [5; 11; 13], что наряду с высокой рождаемостью, которая сохранялась в течение XIX в., стало причиной ускорения темпов роста мирового населения в XIX в. (см. например [5; 19; 26; 46] и т. д.).

К концу 1980-х годов высокие доходы на душу населения в развитых странах значительно улучшили уровень образования и здоровье населения, т. е. качество человеческого капитала. Это, с одной стороны, привело к более высоким темпам роста, а с другой стороны, к снижению рождаемости и замедлению роста населения. В то же время развивающиеся страны столкнулись с заметным ускорением темпов роста, которые вместе с ростом населения в этих странах привели к сокращению разрыва между странами первого и третьего мира. Таким образом, А. В. Коротаев приходит к выводу, что существует сильная корреляция между фазами Великой дивергенции/конвергенции и глобальным демографическим переходом.

К похожему выводу приходят в своей работе авторы [32]. Они отмечают, что феномены Великой дивергенции и, в меньшей степени, Великой конвергенции привлекали внимание многих исследователей; большой интерес с точки зрения проведения научных исследований эти понятия продолжают привлекать и сейчас. Однако, по мнению авторов, существующие попытки объяснить эти явления и их предысторию имеют два существенных недостатка: во-первых, ни одна из известных авторам этой работы моделей не смогла проинтерпретировать ни Великую дивергенцию, ни Великую конвергенцию так, чтобы объяснить период смены тренда (около 1970-х годов). Во-вторых, большинство существующих моделей в значительной степени концентрируются на экономических силах, часто пренебрегая демографическим фактором. В [32] предлагается подход, позволяющий преодолеть эти недостатки посредством выявления тесной связи между этапами глобального демографического перехода и фазами Великой дивергенции и Великой конвергенции. Учет решающей роли демографического компонента в этих процессах позволил авторам прийти к выводу, что время изменения тренда не было случайным. Полученные данные свидетельствуют о высокой корреляции между динамикой глобального прироста населения и Великой дивергенции и Великой конвергенции. Таким образом, оба этих феномена могут считаться двумя сторонами одной и той

¹ Коротаев А. В. Указ. соч.

же монеты. С другой стороны, авторы также полагают, что Великую дивергенцию и Великую конвергенцию следует рассматривать как единый процесс, иными словами, как два этапа глобальной модернизации.

В работе [51] оценивается мировое распределение дохода путем объединения отдельных распределений доходов для 138 стран в период с 1970 по 2000 г. Распределение стран строится путем объединения национальных счетов ВВП на душу населения, чтобы привязать среднее значение к данным опроса для определения дисперсии.

В работе также приводятся уровни бедности и численности персонала для четырех конкретных черт бедности. Уровни в 2000 г. составляли от одной трети до половины от уровней, наблюдавшихся в 1970 г. для всех четырех черт. В 2000 г. численность бедного населения была на 250–50 млн чел. меньше, чем в 1970 г. Работа [51] оценивает восемь показателей неравенства в доходах, которые вытекают из полученного в работе мирового распределения доходов. Как показано в данной работе, все эти показатели свидетельствуют о сокращении глобального неравенства в 1980-х и 1990-х годах.

В свою очередь [16] выделяет три основных тренда, характеризующих мировую экономику уже с конца XXI в. Во-первых, новая конвергенция развивающегося и развитого мира. Так, данные примерно с 1990 г. демонстрируют, что темпы роста подушевого дохода в развивающихся экономиках в значительной степени ускорился и существенно превысил рост доходов в развитых экономиках (см. [54]). Это является свидетельством колоссального структурного сдвига в динамике мировой экономики (см. рисунки далее; состав регионов мира в соответствии с данными Всемирного банка и расчетами авторов представлен в табл.).

Так, рис. 1, на котором показаны уровни подушевого ВВП в постоянных долларах США 2010 различных регионов мира за период с 1960 по 2016 гг., демонстрирует, что во всех рассматриваемых регионах уровень ВВП в 2016 г. оказался выше, чем в 1960 г.; при этом его рост был неравномерным (так, за изучаемый период можно выделить стремительный рост уровня подушевого ВВП Китая, тогда как, например, экономика регионов Ближний Восток и Северная Африка и Африка южнее Сахары упала примерно на 25% (или даже больше) в период с конца 1970-х по 1980-е годы). Соответственно, как продемонстрировано на рис. 2, коэффициент вариации подушевого ВВП регионов мира в течение анализируемого периода изменялся неравномерно, сократившись к 2016 г. примерно на 11% по сравнению с 1960 г.; тогда как коэффициент вариации подушевого ВВП, взвешенного по численности населения, за указанный период упал на 33%, что свидетельствует в пользу тезиса о том, что наиболее быстрый рост ВВП на душу населения происходил в самых населенных регионах, таких как Китай и Индия [52].

Рис. 3 иллюстрирует конвергенцию ВВП на душу населения в мировых регионах за период 1960–2016 гг. Из него видно, что соотношение максимального уровня жизни с минимальным достигает своего пика в 1962 г. (143,4) и снижается до 32,0 к 2016 г. Причем конвергенция наблюдается как выше, так и ниже медианного уровня ВВП. Так, соотношение медианного и минимального уровней жизни достигает максимального значения в 1969 г. (75,7), однако, снижается до 15,3 в 2016 г. Наконец, соотношение максимального и медианного уровней жизни составило 2,1 в 1968 г. и 1,7 в 2016 г.¹

¹ По данным Всемирного банка [54], максимальный уровень жизни в течение анализируемого периода наблюдался в регионе Канада, Австралия и Новая Зеландия (1960–1988 гг.) и в США (1989–2016 гг.); медианный уровень жизни — в регионе Япония, Южная Корея, Сингапур и Гонконг (1960–1969 гг.) и в регионе Европа и Центральная Азия (1970–2016 гг.); а минимальный уровень жизни — в Китае (1960–1983 гг.), Индии (1984–1997 гг.) и Южной Азии (1998–2016).

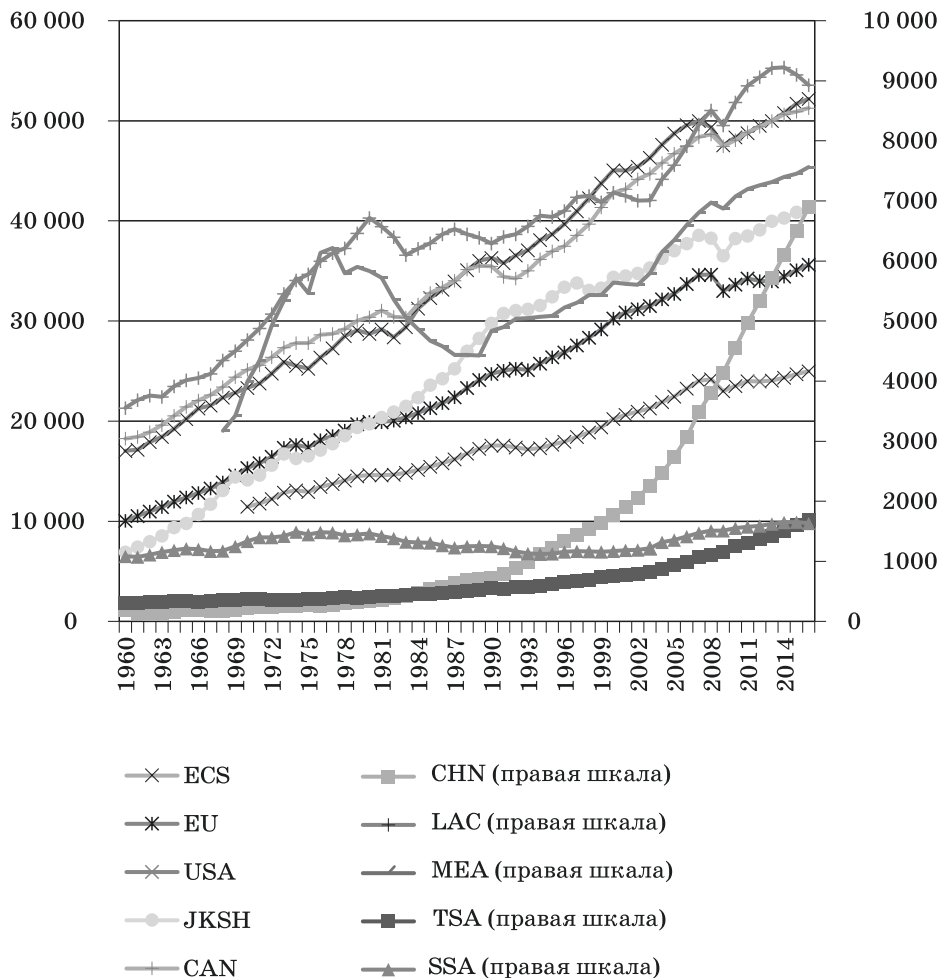

Рис. 1. ВВП на душу населения в различных регионах мира в постоянных долларах 2010 г., 1960–2016 гг.

Fig. 1. GDP per capita in various regions of the world in constant US dollars 2010, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

Другая иллюстрация конвергенции мировых регионов приведена на рис. 4, который показывает темпы прироста подушевого ВВП в постоянных ценах 2010 г. в странах с максимальным за период 1960–2016 гг. уровнем жизни (Соединенные Штаты Америки (США) и регион Канада, Австралия и Новая Зеландия) и минимальным уровнем жизни (регион Южной Азии и Китай). Из данного рисунка можно заключить, что конвергенция обусловлена более быстрым ростом регионов с низким уровнем жизни (так, средние темпы прироста подушевого ВВП в Китае и Южной Азии за рассматриваемый период составили 6,6 и 3,1%, соответственно) по сравнению с регионами, где уровень жизни очень высокий (средние темпы прироста в США и регионе Канада, Австралия и Новая Зеландия составили порядка 2% за 1960–2016 гг.) [52].

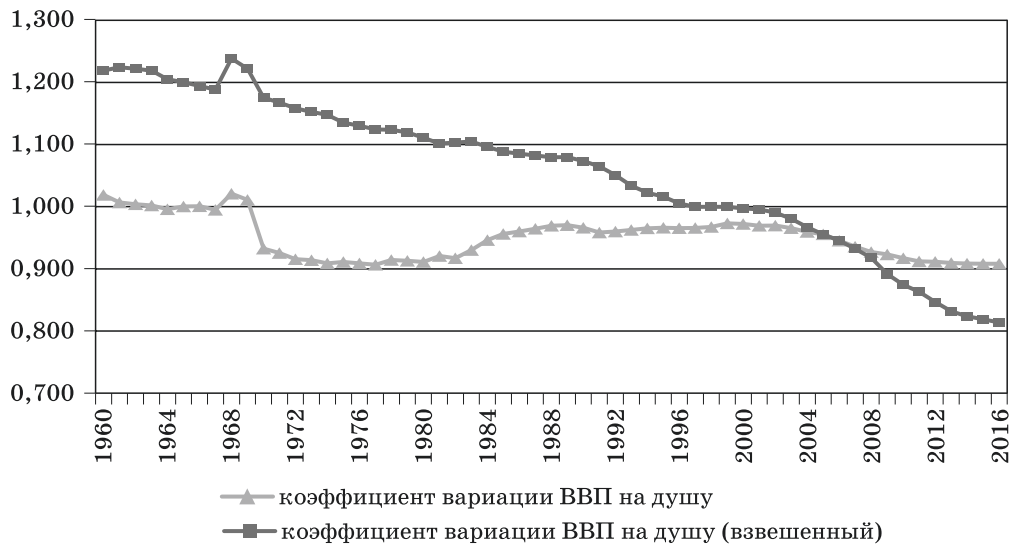

Рис. 2. Коэффициенты вариации ВВП на душу населения в регионах мира, 1960–2016 гг.
 Fig. 2. Variation of GDP per capita in the world regions, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

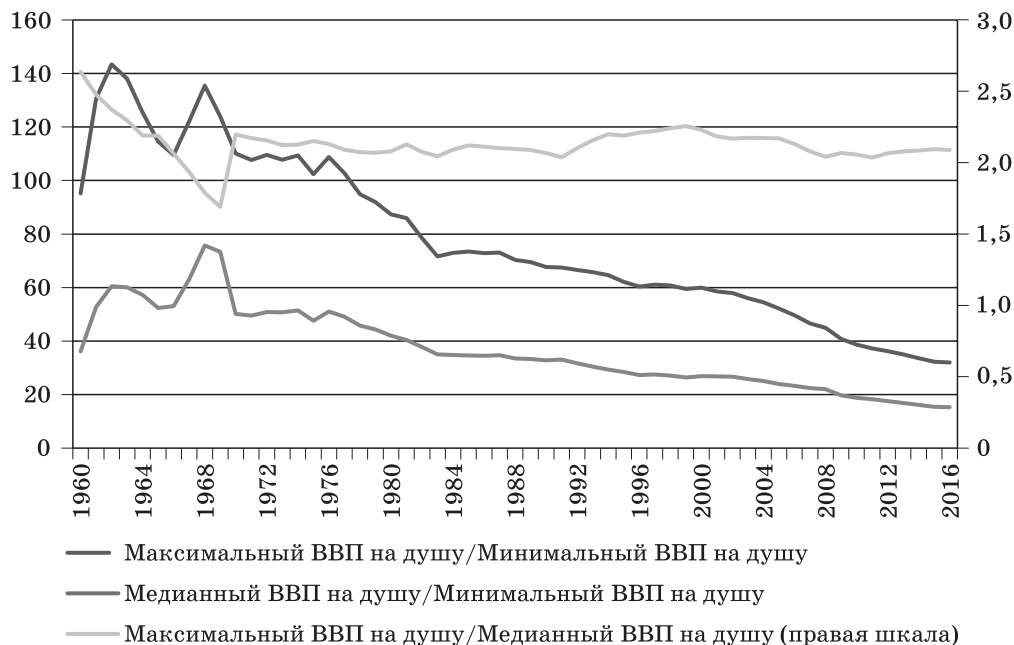

Рис. 3. Соотношения различных уровней ВВП на душу населения в регионах мира, 1960–2016 гг.

Fig. 3. Ratios of different per capita GDP levels in the world regions, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

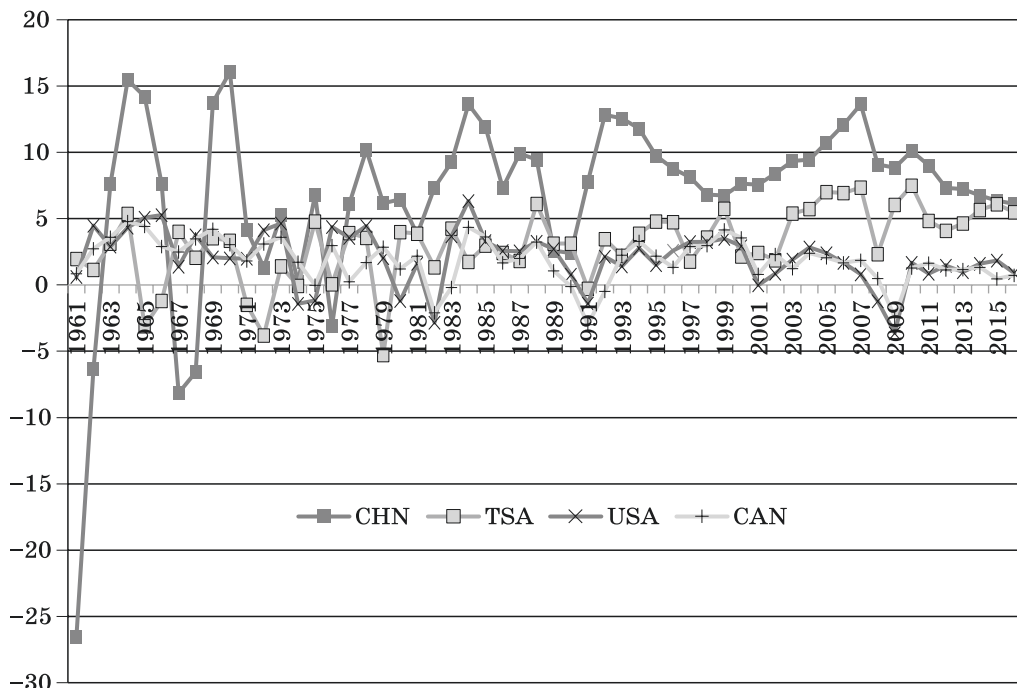

Рис. 4. Годовые темпы прироста ВВП на душу населения в регионах с самым высоким и самым низким уровнем подушевого ВВП, % к предыдущему году, 1960–2016 гг.
 Fig. 4. Annual rates of GDP growth per capita in regions with the highest and lowest per capita GDP, % to previous year, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

Таблица

Состав регионов мира в соответствии с классификацией Всемирного банка и собственными расчетами

Table. Composition of the world regions in accordance with the World Bank classification and author's own calculations

Обозначение	Наименование региона	Страны
1	2	3
USA	США	Соединенные Штаты Америки
CHN	CHN	Китай
JKSH	JKSH	Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг
CAN	CAN	Австралия, Канада, Новая Зеландия
EU	Европейский союз	Австрия, Бельгия, Болгария, бывшая югославская Республика Македония, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Литва, Люксембург, Мальта, Швеция, Великобритания
CSS	Небольшие государства Карибского бассейна	Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Барбадос, Белиз, Доминика, Гренада, Гайана, Ямайка, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Суринам, Тринидад и Тобаго

1	2	3
МЕА	Ближний Восток и Северная Африка	Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Джибути, Алжир, Арабская Республика Египет, Иран, Исламская Республика, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Марокко, Мальта, Оман, Западный берег и Газа, Катар, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Тунис, республика Йемен
TSA	Южная Азия (страны IDA и IBRD)	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Шри-Ланка, Мальдивские Острова, Непал, Пакистан
LAC	Латинская Америка и Карибские острова (кроме стран с высоким уровнем дохода)	Аргентина, Белиз, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Доминика, Доминиканская Республика, Гренада, Гватемала, Гайана, Гондурас, Гаити, Ямайка, Сент-Люсия, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Парагвай, Сальвадор, Суринам, Сент-Винсент и Гренадины, Венесуэла
ECS	Европа и Центральная Азия	Албания, Андорра, Армения, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Беларусь, Швейцария, Нормандские острова, Кипр, Чешская Республика, Германия, Дания, Испания, Эстония, Финляндия, Франция, Фарерские острова, Великобритания, Гибралтар, Греция, Гренландия, Хорватия, Венгрия, остров Мэн, Ирландия, Исландия, Италия, Казахстан, Кыргызская Республика, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Латвия, Монако, Молдова, бывшая югославская Республика Македония, Черногория, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Российская Федерация, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Швеция, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Украина, Узбекистан, Косово
SSA	Африка южнее Сахары (кроме стран с высоким уровнем дохода)	Ангола, Бурунди, Бенин, Буркина-Фасо, Ботсвана, Центрально-Африканская Республика, Кот-д'Ивуар, Камерун, Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Камерун, Кабо-Верде, Эритрея, Габон, Гана, Гвинея, Гамбия, Гвинея-Бисау, Экваториальная Гвинея, Кения, Либерия, Лесото, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Мавритания, Маврикий, Малави, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Судан, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Южный Судан, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Чад, Того, Танзания, Уганда, Южная Африка, Замбия, Зимбабве

Источник: [52], [54].

Во-вторых, фундаментальной характеристикой мировой экономики, по мнению [16], является циклическая взаимозависимость: несмотря на то, что долгосрочные трендовые составляющие темпов экономического роста появляющихся и развивающихся стран отделились от развитых стран, между циклическими колебаниями вокруг этих трендов существует взаимозависимость.

Наконец, автор показывает, что третий тренд, характеризующий мировую экономику с 1990-х годов, связан с распределением доходов, а именно растущим неравенством, в частности, с ростом доли доходов наиболее богатых индивидов на фоне сохранения бедности в течение почти века среди миллионов граждан наиболее бедных стран (эта тенденция также продемонстрирована в [40]). Например, [23] утверждает, что «в то время как нижняя половина взрослых индивидов в совокупности владеет менее чем 1% общего богатства, самый богатый дециль (10% взрослых индивидов) владеет 88% глобальных активов, а самый высокий процентиль единолично владеет половиной от общего благосостояния домохозяйств». Этот феномен обуславливает дивергенцию между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения мира на фоне наблюдающейся конвергенции доходов на агрегированном уровне.

В исследовании [10] авторы реконструируют ВВП со стороны производства для средневековой и ранней современной Британии. По их данным, в отличие от долгосрочной стагнации уровня жизни, которая иллюстрируется ежедневными реальными величинами заработной платы, ВВП на душу населения на основе производства демонстрирует скромный, но положительный тренд. Исследование показывает, что один из способов согласования двух рядов заключается в вариации числа рабочих дней за год, однако также существуют причины усомниться в репрезентативности резкого роста и падения ежедневных реальных величин заработной платы в позднем средневековье, что создает впечатление отсутствия роста уровня жизни.

Работа [8] рассматривает Великую дивергенцию между Европой и Азией под двумя углами зрения. С одной стороны, с точки зрения измерения существует традиционный подход, подтвержденный в литературе, в рамках которого Великая дивергенция имеет свои корни в позднем средневековье и была уже хорошо развита в начале современного периода; хотя критики в данном случае указывают на необходимость учета региональных особенностей обоих континентов. Маленькая дивергенция наблюдалась среди европейских стран, расхождение имело место между североморской и средиземноморской Европой. Эта работа также показывает, что была небольшая дивергенция в Азии, когда Япония обогнала Китай и Индию. Однако Япония стартовала с более низкого уровня подушевого дохода по сравнению со странами североморского региона и росла с меньшим темпом, поэтому продолжала отставать от них до восстановления Мэйдзи в 1868 г.

С другой стороны, в работе [8] отмечается, что с точки зрения интерпретации, черная смерть привела к постоянному приросту доходов на душу населения в регионе Северного моря, но не в остальной части Евразии. Автор показывает, что торговля на дальних расстояниях ускорила дивергенцию через канал взаимодействия на институциональном уровне. Значительная доля пастбищного сельского хозяйства способствовала выходу североморских стран на высокодоходное, капиталоемкое и энергоемкое производство. Поздние браки в странах региона Северного моря привели к снижению рождаемости и способствовали формированию человеческого капитала. Наконец, в этой работе показано, что промышленная революция играла более важную роль в объяснении скорее Маленькой дивергенции в Европе и Азии, чем Великой дивергенции.

На основе годовых данных с тринадцатого века и до настоящего времени авторы исследования [9] показывают, что улучшение долгосрочных экономических показателей произошло в основном за счет снижения скорости и частоты сжатия, а не увеличения темпа роста в странах. Авторы подчеркивают, что, действительно, по мере улучшения экономических показателей в странах с течением времени, краткосрочные темпы роста, как правило, снижались, а не росли. Большинство исследований процесса экономического развития до сих пор концентрировались на увеличении темпов роста. В свою очередь, авторы фокусируются на понимании

сил, приводящих к снижению темпов сжатия экономик стран. К таким силам авторы относят демографию, периоды войны и мира, экономическую структуру, технологические изменения и институты. Авторы работы заключают, что история указывает на институциональные изменения как ключевой общий фактор перехода к современному экономическому росту.

Результаты и обсуждение

В средние века экономическое развитие Европы переживало колоссальный подъем, ассоциирующийся, в первую очередь, с открытием международной торговли в Венеции, ставшей отправной точкой для торгового взаимодействия между Европой и Средиземноморскими странами в 1000–1500 гг. Однако несмотря на достигнутые успехи, расхождение в подушевом ВВП между странами первого и третьего мира, известное как феномен Великой дивергенции, началось около 1820 г. и продолжалось ускоренными темпами в течение следующей половины XIX в. и более медленными темпами — в XX в. Как показано в работе, дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения.

В конце 1980-х годов Великая дивергенция сменилась на Великую конвергенцию, а именно существенное опережение темпов экономического роста развитых стран Запада развивающимися странами третьего мира, которое в литературе объясняется, в том числе, улучшением уровня образования и здоровья населения, другими словами, повышением качества человеческого капитала.

Таким образом, как показал наш обзор, существует довольно большое число работ, посвященных анализу факторов, объясняющих дивергенцию или конвергенцию стран мира. Проведенное в настоящей работе исследование причин феноменов дивергенции и конвергенции в мировой экономике представляет большой интерес и будет полезно как с точки зрения анализа ретроспективы и текущих тенденций, характеризующих мировую экономику, так и с позиции построения сценариев развития стран/регионов мира в будущем.

Литература/References

1. Abramovitz M. Catching up, forging ahead, and falling behind // *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. N 2. P. 385–406.
2. Acemoglu D. *Introduction to Modern Economic Growth*. NJ : Princeton University Press, 2009.
3. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Crown Publishing Group, 2012.
4. Allen R.C. *Global Economic History*. Oxford : Oxford University Press, 2011.
5. Bacci M.L. *A concise history of world population*. John Wiley & Sons, 2017.
6. Barro R.J. Economic growth in a cross section of countries // *The Quarterly Journal of Economics*. 1991. Vol. 106 (2). P. 407–443.
7. Baumol W.J. Productivity growth, convergence, and welfare: what the long-run data show // *The American Economic Review*. 1986. Vol. 76 (5). P. 1072–1085.
8. Broadberry S. *Accounting for the great divergence* (2013).
9. Broadberry S., Wallis J.J. *Growing, Shrinking, and Long Run Economic Performance. Historical Perspectives on Economic Development, Technical Report*. National Bureau of Economic Research, 2017.
10. Broadberry S., Campbell B., Klein A. et al. *British Economic Growth, 1270–1870. An Output-Based Approach*, 18 December 2011.
11. Caldwell J.C. *Demographic transition theory*. Springer, 2007.
12. Caselli F., Esquivel G., Lefort F. Reopening the convergence debate: a new look at cross-country growth empirics // *Journal of Economic Growth*. 1996. Vol. 1. N 3. P. 363–389.

13. Chesnais J.-C. et al. The demographic transition. Stages, patterns, and economic implications. OUP Catalogue (1992).
14. Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007.
15. De Long J.B., Summers L.H. Equipment investment and economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. N 2 (May). P. 445–502.
16. Derviş K. Convergence, Interdependence and Divergence // Finance&Development. 2012. Vol. 49. Iss. 3. P. 10–14.
17. Diamond P.A. National Debt in a Neoclassical Growth Model // The American Economic Review. 1965. Vol. 55. N 5. P. 1 (Dec.). P. 1126–1150.
18. Durlauf S.N., Johnson P.A. Multiple regimes and cross-country growth behavior // Journal of Applied Econometrics. 1965. Vol. 10. N 4 (Oct.-Dec.). P. 365–384.
19. Dyson T. Population and development: the demographic transition. Zed Books Ltd., 2013.
20. Easterly W. The White Man's Burden. Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good. Penguin, 2006.
21. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. In B.F. Hoselitz (Ed.). The Progress of Underdeveloped Areas. Chicago : University of Chicago Press, 1952.
22. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
23. Global Wealth Report Credit Suisse, Credit Suisse global wealth report. Credit Suisse (2017).
24. Goldstone J. «Divergence in Cultural Trajectories: The Power of the Traditional within the Early Modern» In Comparative Early Modernities 1100–1800 / Ed. D. Porter. NY : Palgrave-Macmillan, 2012. P. 165–192.
25. Goldstone J. Why Europe? The Rise of the West in Global History, 1500–1850. NY : McGraw-Hill, 2008.
26. Gould W.T. Population and development. Routledge, 2015.
27. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence, International Perspectives on Social Policy, Administration and Practice. Springer International Publishing Switzerland, 2015.
28. Howitt P., Mayer-Foulkes D. R&D, implementation, and stagnation. A schumpeterian theory of convergence clubs // Journal of Money, Credit & Banking (Ohio State University Press). 2005. Vol. 37. N 1 (Feb.). P. 147–177.
29. Jones C.I. Convergence revisited // Journal of Economic Growth. 1997. Vol. 2. Iss. 2. P. 131–153.
30. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. N 3 (Aug.). P. 717–737.
31. Korotayev A., de Munck V. Advances in Development Reverse Inequality Trends // Journal of Globalization Studies. 2013. Vol. 4. N 1. P. 105–124.
32. Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // Technological Forecasting and Social Change. 2015. Vol. 95 (June). P. 163–169.
33. Korotayev A., Zinkina J. On the Structure of the Present-Day Convergence // Campus-Wide Information Systems. 2014. Vol. 31. N 2. P. 41–57.
34. Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998 // Journal of Globalization Studies. Vol. 2. N 2. P. 25–61.
35. Lee K., Pesaran M.H., Smith R. Growth and convergence in a multi-country empirical stochastic Solow model // Journal of Applied Econometrics. 1997. Vol. 12. N 4 (Jul.–Aug.). P. 357–392.
36. Levine R., Renelt D. A sensitivity analysis of cross-country growth regressions // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. N 4 (Sep.). P. 942–963.
37. Maddison Project Database [Electronic resource]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>.
38. Maddison A. The World Economy, Vol. 1: A Millennial Perspective, OECD Publishing, 2001.
39. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. N 2. P. 407–437.
40. Piketty T. Capital in the 21st Century, 2014.
41. Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2000.
42. Quah D.T. Convergence empirics across economies with (some) capital mobility // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1. N 1 (Mar.). P. 95–124.

43. Quah D. T. Empirics for economic growth and convergence // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. Iss. 6 (June). P. 1353–1375.
44. Quah D. T. Twin peaks: growth and convergence in models of distribution dynamics // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. N 437 (Jul.). P. 1045–1055.
45. Ramsey F. P. A Mathematical Theory of Saving // *The Economic Journal*. 1928. Vol. 38. N 152 (Dec.). P. 543–559.
46. Reher D. S. Economic and social implications of the demographic transition // *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37, Demographic Transition and Its Consequences. P. 11–33.
47. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. N 5 (Oct.). P. 1002–1037.
48. Sachs J. D., Warner A., Aslund A., Fischer S. Economic reform and the process of global integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. Vol. 1. P. 1–118.
49. Sachs J. D. *The Age of Sustainable Development*. Columbia University Press, 2015.
50. Sala-i Martin X. X. The classical approach to convergence analysis // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. N 437. P. 1019–1036.
51. Sala-i-Martin X. X. The World Distribution of Income: Falling Poverty and ... Convergence, Period // *The Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121. N 2 (May). P. 351–397.
52. Benzell S. G., Kotlikoff L. J., Kazakova M. et al. Simulating the Global Economic Transition — Convergence or Divergence? // *NBER Working Paper*, 2018, forthcoming.
53. Solow R. Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. N 1 (Feb.). P. 65–94.
54. WB World Development Indicators Database [Electronic resource]. World Bank, 2017. URL: <https://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

Об авторе:

Казакова Мария Владимировна, заведующая лабораторией исследований проблем экономического роста Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); заместитель заведующего Международной лабораторией изучения бюджетной устойчивости научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kazakova@ranepa.ru

About the author:

Maria V. Kazakova, Head of Department for Economic Growth Studies of RANEPА (Moscow, Russian Federation), Deputy Head of International Department for Fiscal Sustainability Studies, Scientific Direction “Macroeconomics and Finance” of Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; kazakova@ranepa.ru